

УДК 811.512.37

В. В. Куканова

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ КОРПУС КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА:
ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются параллельные тексты калмыцкого языка, описывается примерная структура параллельного подкорпуса: калмыцкий → русский, русский → калмыцкий, монгольский → калмыцкий, калмыцкий → монгольский, калмыцкий → английский. Автором подчеркивается значимость создаваемого подкорпуса в образовательных целях. Помимо этого, описываются количественные результаты сопоставления на материале перевода произведения А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Ключевые слова: параллельные тексты, битекст, выравнивание предложений, структура подкорпуса.

V. V. Kukanova

PARALLEL CORPORA OF THE KALMYK LANGUAGE:
PRINCIPLE OF CONSTRUCTION AND PROSPECTS

The article deals with parallel texts of the Kalmyk language. An approximate structure of the parallel sub-corpora is described: Kalmyk → Russian, Russian → Kalmyk, Mongolian → Kalmyk, Kalmyk → Mongolian, Kalmyk → English. The author emphasizes the significance of the created sub-corpora for educational purposes. In addition, quantitative results of a comparison based on the translation of A.S. Pushkin's "The Captain's Daughter" are described.

Key words: parallel texts, bitext, matching of sentences, structure of sub-corpora.

Как известно, параллельные тексты представляют собой интерес в различных аспектах. Так, например, они являются прекрасным материалом для сопоставительных исследований как родственных, так и неродственных языков. Результаты по изучению переводов могут послужить и в прикладных целях (в переводоведении, методике преподавания иностранных языков) [5; 8, с. 26–29; 21].

Для калмыцкого языка параллельные тексты имеют большое значение в аспекте его сохранения. Для преобладающей части калмыцкого населения республики русский язык является первичным, с его помощью дети начинают познавать мир, а затем он становится в большинстве случаев единственным

средством познания и коммуникации. В процессе изучения родного языка калмыцкие школьники и студенты опираются, прежде всего, на знание первичного языка и анализируют калмыцкий язык сквозь призму русского языка, который относится к совершенно другому типу языков – флективному, со свободным порядком слов в предложении. Важно создать такой ресурс, который поможет сопоставить два разноструктурных языка и вывести соответствия на лексико-грамматическом уровне. Например, синтаксическая конструкция с отрицанием *нет ни + Noun/Pronoun.Gen*, *ни + Noun/Pronoun.Gen* переводится конструкцией *Noun/Pronoun.Nom + чигн уга*, *Noun/Pronoun.Nom + чигн уга*. Следует обратить внимание на порядок слов в пред-

ложении: он диаметрально противоположный (*нет ни* в русском языке может занимать инициальную, медиальную или финальную позицию со смещением, видимо, коммуникативного членения предложения, а в калмыцком языке *чигн уга* – только финальную). Несоответствие на синтаксическом уровне может привести к тому, что изучающий калмыцкий язык, испытывая интерференцию русского языка, будет постоянно ошибаться при использовании данной конструкции в своей речи. «Двойная» отрицательная конструкция на русском языке передается в калмыцком языке при помощи усилительного слова *чигн*, поскольку эквивалент *ни* как таковой отсутствует в калмыцком языке.

Структура параллельного подкорпуса как самостоятельного модуля в корпусе будет следующей:

- русский → калмыцкий;
- калмыцкий → русский;
- калмыцкий → английский;
- монгольский → калмыцкий;
- калмыцкий → монгольский;
- калмыцкий → немецкий [I].

Все тексты требуется отсканировать и распознавать, что несколько задерживает работу. В случае с первым модулем русский → калмыцкий требуется распознать только калмыцкие тексты, тексты же на русском языке доступны из Интернета (при метааннотировании указывается источник получения электронного файла). В остальных модулях нужно все сканировать и распознавать и с той, и с другой стороны. В корпусе переводов с монгольского на калмыцкий пока не найдены оригиналы в республиканских библиотеках [II]. Что касается электронных копий переводных текстов, то их крайне мало и это тексты преимущественно на русском языке. Например, некоторые из них были представлены из авторского архива Р. М. Ханиновой [III].

В связи с описанными трудностями работа по созданию параллельного подкорпуса была начата с первого модуля. Отсканированы и распознаны все име-

ющиеся переводные произведения: это в основном классическая литература, а также литература социалистического характера (см. табл. 1, в которой приводятся только те тексты, которые были выверены в 2012 г., хотя список гораздо шире). При отборе текстов мы руководствовались следующими критериями: наличие электронной версии текста и ее доступность, принадлежность к классической литературе, объем текста [IV].

Первоначально метаописание параллельных текстов производилось в общей базе данных [II], затем в ходе работы над созданием параллельного подкорпуса было решено, что гораздо удобнее аннотировать тексты независимо от общей базы, поэтому была создана таблица в MS Excel 2007, описывающая следующие характеристики параллельных текстов:

- ID;
- автор текста-оригинала;
- название текста;
- жанр;
- язык текста-оригинала;
- объем словоупотреблений текста-оригинала;
- источник получения текста-оригинала (сканирование, издательство, Интернет);
- выходные данные текста-оригинала (URL и т. д.);
- перевод названия текста;
- язык текста-перевода;
- переводчик;
- объем словоупотреблений текста-перевода;
- источник получения текста-перевода (сканирование, издательство, Интернет);
- выходные данные текста-перевода [V].

Параллельные тексты интересны не только с точки зрения различных аспектов переводоведения и сопоставления, но и лингвокультурологии («...национально-культурная специфика некоторого явления определяется относительно некоторого другого языка» [5, с. 48]).

Таблица 1

Список параллельных текстов [VI]

№	Автор	Переводчик	Жанр	Кол-во	Пример
1	Лермонтов М. Ю.	Буджалов Е., Нармаев М., Инджиев Л., Дорджиев Б., Кугультинов Д.	Стихи, поэмы	50	«Тамара», «Демон», «Дума», «Утес», «Парус» и др.
2	Пушкин А. С.	Сян-Белгин Х., Очиров У., Кугультинов Д., Позднеев А., Ильджиринова Э., Буджалов Е., Харцхаев М.	стихи, повести, поэма, сказки	19	«Анчар», «Евгений Онегин», «Калмычке», «Капитанская дочка», «Повести Белкина», «Сказка о царе Салтане» и др.
3	Гоголь Н. В.	Васяркиев С. Б.	повесть	1	Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем
4	Некрасов Н. А.	Буджалов Е., Санджиева Б.	стихотворение, поэмы, фрагмент поэмы	3	«Железная дорога», «Мороз – красный нос», «Княгиня Трубецкая» (фрагмент)
5	Ершов П. П.	Каляев С.	сказка	1	«Конек-горбунок»
6	Толстой Л. Н.	Эрндженев К., Бадмаев И., Ильджиринов Э., Болдырев Б., Санганов Л., Кичиков А., Ах-Манджиев Л.	детские рассказы	30	«Филиппок», «Косточка», «Лев и мышь» и др.
7	Тургенев И. С.	Джимбиев А., Букаев Н.	повести, стихотворение в прозе	13	«Муму», «Бурмистр», «Бирюк», «Воробей», «Русский язык» и др.
8	Шолохов М.	Доржиев Б.	повесть	1	«Судьба человека»
9	Айтматов Ч.	Бадмаев А.	повести	2	«Прощай, Гюльсары!», «Первый учитель»
10	Островский Н. А.	Балакаев А.	роман	1	«Как закалялась сталь»

При переводе текстов происходит столкновение двух разных культур, поскольку язык всегда был и остается «транслятором» культуры народа, и, следовательно, тексты содержат элементы, которые свойственны всем культурам без исключения и которые специфичны, тем самым создавая культуру того или иного народа. Слово помимо своего лексического значения и коннотации может нести и культурную информацию [VII]. Считается, что при переводе того или иного текста наиболее сложным является передача как раз этой информации при помощи адекватных средств.

Лингвокультурологический и количественный анализ [VIII] проводился на материале текста-оригинала и текста-перевода повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Это произведение было выбрано по нескольким причинам – как субъективным, так и объективным: во-первых, произведение относительно небольшое по своему объему; во-вторых, язык произведения классический; в-третьих, социальная жизнь, которая описывается в тексте А. С. Пушкина, не характерна для калмыцкого общества того времени, многие лексические единицы до сих пор отсутствуют в системе языка; в-четвертых, имя А. С. Пушкина в особенности дорого для калмыцкого народа.

Возьмем, к примеру, обращения [XIX], поскольку они являются ярким образцом в изучении лингвокультурологических аспектов на материале параллельных текстов.

В примере (1) слово *сударь* является обращением, которое может маркировать социальное положение говорящего и того, к кому обращена речь последнего [XI]. В тексте-переводе оно отсутствует: автор прибегает к опущению той лексемы, которой нет в языке перевода. Хотя нами было найдено в ранних словарях [20, с. 25; 18, с. 8; 23, с. 6] обращение, которое можно использовать в данном контексте для перевода апеллятива [XII]: *aldar* ‘государь, сударь’, *aldar* ‘слава || барин, государь, господин’ (кроме того, фиксируется письменное обращение *хайралдаг алдар* ‘милостивый государь’) и *aldar*, ‘ehre, ruhm, herr, mein herr’ (также *хэрлэдэг*, ‘милостливый’) соответственно [XIII]. Однако в калмыcko-русском словаре [9, с. 35] такое значение не указано: *алдр* ‘слава, известность, знаменитость, популярность || известный, знаменитый, популярный; имя, авторитет, репутация’.

В следующем примере (2) переводчик прибег к переводу слова *сударь* при помощи диминутативного прилагательного *хээрхи*, производного от устаревшего существительного *хээр* ‘милость, благоволение’. Переводчику при помощи диминутативного аффикса *-хи* удается передать нежное отношение говорящего к адресату. В примере (3), напротив, *күндлгч хээрхи* создает пейоративное значение, выраженное в обращении *сударь*. Интересно, что переводчик создает отрицательное значение высказывания при помощи столкновения значений слова *күндлгч* ‘почитаемый,

(1) Воля твоя, <i>сударь</i> : нет у нас лишних полтин.	Чини дурн, манд үлү өрэл арслгз мөңгн уга. [X]
(2) «Что это, <i>сударь</i> , с тобою сделалось? – сказал он жалким голосом...	«Юмб энтн <i>хээрхи</i> , танла юн болад одсмб? – гиж тер санань зовсн дууһар келв...
(3) ... да когда же, <i>сударь</i> , успел ты ему задолжать? Дело что-то не ладно. Воля твоя, <i>сударь</i> , а денег я не выдам...	Кезэнь, <i>хэамнь</i> , өр келэд оксмбч? Эн кергчн сэн биш. Чини дурн, <i>күндлгч хээрхи</i> , би мөңг өгшгөв...

уважаемый' и высказывания *би мөңг ошгов* 'я денег не дам'.

В примерах (1) и (3) выражение *воля твоя* переводится как *чини дурн*, в современных словарях калмыцкого языка данное значение прямо не зафиксировано: в калмыцко-русском словаре оно дается опосредованно, т. е. через коллокации – *сэн дурарн* 'по доброй воле, добровольно', *сэн дуричхн* 'доброволец' [9, с. 216]. В словарях более поздних можно найти данное значение: *дурунь* [XIV] 'воля' [2, с. 11]; *durun* 'воля, охота' [20, с. 19; XV], *durn* 'желание, охота, воля, аппетит' [18, с. 224]; *durn* 'lust, wille, hang, neigung' [23, с. 103]. Видимо, данное значение было утрачено. По данным информанта, в калмыцком языке существует и другая коллокация, которую можно использовать при переводе выражения *воля твоя*, – *чини хээрн сойрхл* 'твое милостливое повеление', при этом последняя лексема принадлежит высокому стилю. Таким образом, на наш взгляд, указанное выше выражение более всего подходит для перевода высказываний книжного стиля с целью передачи патетики, но не для создания иронического подтекста.

мышкой речи (ср. с результатами опроса, проведенного среди ойратов Синьцзяня [19, с. 123]). В других контекстах со словом *батюшка*, когда используется первичное, т. е. номинативное, значение и когда оно не является вокативом, переводчик также использует *эцг* (*эцк*). При этом, сохраняя референтное значение, перевод нивелирует стилистическую окраску [XVII]. В калмыцком языке использование диминутативных вокативов ограничено в силу немногочисленного количества морфологических маркеров данной семантики [XVIII]. Заметим, что при беглом просмотре всего текста диминутативное значение лексических единиц не передается при переводе, хотя предположение это требует дальнейших исследований.

Таким образом, при помощи сопоставления параллельных текстов, с одной стороны, можно выявить те лексические значения, которые отсутствуют в современных словарях. С другой — сравнительный подход в анализе параллельных текстов позволяет определить особенности культуры носителей сопоставляемых этносов.

- (4) *Батюшка* Петр Андрейч, – произнес он дрожащим голосом, – не умори меня с печали.

- (5) У окна сидела старушка в телогрейке и с платком на голове. Она разматывала нитки, которые держал, распялив на руках, кривой старичок в офицерском мундире. «Что вам угодно, *батюшка*?» – спросила она, продолжая свое занятие.

Эцг минь, Петр Андрейч, – гижэ эн ээгнчсн дууһар келв, – зоважэ намаг бичэ муудм ор.

Терзин омн дулан эжилэтг үмэд [XVI], толһадан алчур боосн эмгн сууна. Тер эмгн, офицерск хувцта, хальр нүдтэ өвгнэ һартан орачкхн уцциг цуцлэс бээнэ. «Эцг, танд юн кергтэ?» – гижэ эмгн, көдлмигн кен бээжэ сурв.

Примеры (4) и (5) демонстрируют перевод диминутатива *батюшка*. Слово *эцг* (*эцк* в новой орфографии) не имеет такого значения, следовательно, здесь мы сталкиваемся с буквальным переводом первого значения слова *батюшка* (обычно устар., почтит. отец). Слово *эцг* (*эцк*) не используется как обращение в кал-

Текст-оригинал состоит из 29 718 словоупотреблений и 8 629 словоформ [XIX], текст-перевод – из 29 146 словоупотреблений и 8 582 словоформ. Как видим, объем текста-оригинала больше, чем объем текста-перевода. Соотношение объемов текста-оригинала и текста-перевода составляет 1,01. Что касается

объема словоформ в исследуемых текстах, то здесь цифра составляет 1,005. Объем у текстов почти одинаковый, что весьма любопытно, поскольку калмыцкий язык более сжатый (одна словоформа может соответствовать двум и более единицам русского языка [XX]). Видимо, близость текстов в количественном плане создается при помощи того, что в русском языке категория вида выражается синтетически, а в калмыцком – в большей степени аналитически. К тому же калмыцкий язык характеризуется, как и все монгольские языки, наличием большого количества сложных слов (композитивов), пишущихся через пробел.

Распределение показателей частотностей относительно частотных классов словоформ приведено в таблице 2. Интересно, что самое частотное слово (*би 'я'* [XXI]) в тексте-переводе повторяется только 655 раз, а самое частотное слово (как и следовало ожидать, это союз *и*) в тексте-оригинале – 1 176 раз (почти в два раза больше, чем в тексте на калмыцком языке). Далее частотности словоформ русского языка, со 2-го по 7-й номер, занимают интервал с 999 по 500, в то время как частотности словоформ калмыцкого языка в указанном диапазоне включают только два слова: *би 'я'* и *гизэ* 'что; чтобы; как'. Ту же самую картину распределения словоформ по интервалам можно наблюдать и в других группах. Причина, видимо, кроется в том, что, по сравнению с русским, в калмыцком языке система

формообразовательных парадигм более разветвленная (9 падежей, несколько видов конвербов, «частиц» [XXII], которые примыкают к слову, и др.). В словоформе калмыцкого языка более сжато выражается грамматическая информация.

Следующим формальным параметром для сопоставления является количество предложений. Оригинал состоит из 2 879 предложений, а перевод – из 2 991 сегментов. Соотношение почти одинаковое (0,96). Интересно, что здесь количественные данные почти те же самые, что и вышеприведенные показатели по объему словоупотреблений.

Результаты же сопоставления частотных верхушек текстов оригинала и перевода приведены в таблице 3. В первом столбце указывается ранг словоформы в общем массиве текстов, во втором – словоформа на русском языке, в третьем и четвертом – ее абсолютная и относительная частоты, в пятом – словоформа на калмыцком языке, в шестом – ее перевод, в седьмом и восьмом – ее абсолютная и относительная частоты.

В тексте-оригинале наиболее частотным элементом является союз *и*, в тексте-переводе местоимение *би 'я'*, при этом их эквиваленты занимают 12-е и 2-е место в ранжированном списке словоформ соответственно. Союз *болн 'и'* имеет частоту употребления 175, тогда как в русском тексте 1 305, что меньше почти в 7,5 раза. Практически ту же самую картину можно наблюдать и при пе-

Таблица 2
Соотношение частотных классов и частотностей словоформ в калмыцком и русском языках

Калмыцкий язык		Русский язык	
Число словоформ	Частотность	Число словоформ	Частотность
		1	1 176
1–2	655–500	2–7	733–500
3–17	499–100	8–30	499–100
18–61	99–50	31–56	99–50
62–460	49–10	57–337	49–10
461–8 586	9–1	338–8 629	9–1

Таблица 3

Наиболее частотные словоформы текста-оригинала и текста-перевода
«Капитанской дочки» А. С. Пушкина

Ранг	Русский язык			Калмыцкий язык			
	Словоформа	Абсолютная частота	Относительная частота	Словоформа	Перевод [XXIII]	Абсолютная частота	Относительная частота
1	<i>и</i>	1 305	3,96	<i>би</i>	‘я’	655	2,25
2	<i>я</i>	824	2,47	<i>гижэ</i>	‘что; чтобы, как; и’	593	2,03
3	<i>в</i>	763	2,33	<i>тер</i>	‘тог’	412	1,41
4	<i>не</i>	633	1,97	<i>уга</i>	‘не; нет’	340	1,17
5	<i>что</i>	478	1,50	<i>чигн</i>	‘хотя, также’	261	0,90
6	<i>на</i>	477	1,43	<i>мини</i>	‘мой’	259	0,89
7	<i>с</i>	454	1,42	<i>болв</i>	‘хотя, хоть, несмотря на то, что...; но, однако, все же, тем не менее; хотя’	250	0,86
8	<i>меня</i>	321	0,98	<i>келв</i>	‘сказал’	235	0,81
9	<i>он</i>	309	0,98	<i>эн</i>	‘этот’	202	0,69
10	<i>мне</i>	277	0,87	<i>намаг</i>	‘меня’	199	0,68
11	<i>его</i>	266	0,81	<i>нанд</i>	‘мне’	184	0,63
12	<i>к</i>	239	0,74	<i>болн</i>	‘и’	175	0,60
13	<i>а</i>	233	0,71	<i>бээжэ</i>	‘став; становясь; оставаясь, находясь’	129	0,44
14	<i>за</i>	203	0,63	<i>Мария</i>	‘Мария’	125	0,43
15	<i>как</i>	186	0,59	<i>чи</i>	‘ты’	122	0,42
16	<i>ты</i>	179	0,57	<i>билэ</i>	‘связка: употр. при глагольном сказ. прош. вр.; при именных сказ. прич. буд. вр. выражает сослагательность; частица отрицания: нет’	115	0,39
17	<i>ска-зал</i>	167	0,51	<i>бидн</i>	‘мы’	109	0,37
18	<i>было</i>	148	0,45				
19	<i>но</i>	144	0,44				
20	<i>был</i>	143	0,43				
21	<i>по</i>	140	0,42				
22	<i>у</i>	138	0,42				
23	<i>да</i>	134	0,42				
24	<i>из</i>	132	0,41				
25	<i>ее</i>	129	0,41				
26	<i>мы</i>	128	0,40				
27	<i>от</i>	128	0,38				
28	<i>все</i>	120	0,37				
29	<i>о</i>	118	0,37				
30	<i>она</i>	113	0,36				

реводе частицы *не*, которую, как известно, на калмыцкий язык можно перевести по-разному (*го, уга, бича, ш*). Только 340 раз (в два раза меньше, чем *не* в тексте-оригинале) переводчик использовал частицу *уга*, в остальных случаях значение отрицания было переведено другими способами. Следует обратить внимание и на то, что в тексте-оригинале в верхушке частотных словоформ присутствуют предлоги (например, *в, на, с, к* и т. д.), а в тексте-переводе среди частотных элементов нет ни одного послелога.

В заключение отметим, что сопоставление двух языков – калмыцкого и

русского проводилось лишь фрагментарно, теперь же, когда существует тексто-тека выровненных предложений, можно описать более полно различия как на грамматическом, так и на лексическом уровнях, при этом не довольствуясь только структурно-функциональными особенностями, а описывая расхождения в прагматичном, коммуникативном, лингвокультурном аспектах. Очевидно, что продолжать работу по созданию корпуса параллельных текстов, несомненно, важно и необходимо, поскольку последние являются «эффективным» инструментом лингвистического анализа.

Статья подготовлена при поддержке проекта «Национальный корпус калмыцкого языка» подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН «Создание и развитие корпусных ресурсов по языкам народов России» программы «Корпусная лингвистика» (2012–2014) и проекта РГНФ «Национальный корпус калмыцкого языка: создание и разработка» (12-04-12047/6).

Примечания

- I. Текстов, переведенных с бурятского или на бурятский, пока еще не было обнаружено.
- II. Видимо, тексты нужно искать за пределами России.
- III. Автор выражает глубокую признательность Р. М. Ханиновой за предоставление электронных копий текстов (как ее собственных, так и ее отца, знаменитого писателя и поэта Республики Калмыкия М. В. Ханинова).
- IV. Приоритет отдавался текстам с большим объемом.
- V. Таблица содержит также служебную информацию.
- VI. Таблица 1 демонстрирует только небольшую часть параллельного корпуса, в который также войдут неопубликованные материалы – переводы пьес отечественных и зарубежных писателей, хранящиеся в Драматическом театре в Калмыкии.
- VII. Сохраняется орфография и пунктуация текста-перевода, поскольку текстовый материал может стать предметом других исследований [11, с. 141; 13; 12, с. 92].
- VIII. Статусы говорящего и слушающего могут различаться: они или относительно равны по отношению друг к другу, или дифференцированы (однако статус первого всегда ниже, чем у второго. Иначе быть не может, т. е. тот, к кому обращена речь, всегда принадлежит к привилегированным слоям общества).
- IX. Под аппелятивом понимается то или иное языковое средство, реализующее функцию обращения, привлечения внимания слушающего говорящим.
- X. Такое сопоставление выявляет темы будущих исследований (причем не только лингвистических).
- XI. Сохраняется орфография и пунктуация текста-перевода, поскольку текстовый материал может стать предметом других исследований [11, с. 141; 13; 12, с. 92].
- XII. Статусы говорящего и слушающего могут различаться: они или относительно равны по отношению друг к другу, или дифференцированы (однако статус первого всегда ниже.

чем у второго. Иначе быть не может, т. е. тот, к кому обращена речь, всегда принадлежит привилегированным слоям общества).

XIII. Под аппелятивом понимается то или иное языковое средство, реализующее функцию обращения, привлечения внимания слушающего говорящим.

XIV. Такое сопоставление выявляет темы будущих исследований (причем не только лингвистических).

XV. Знак *ъ* не обозначает «неясного» гласного, видимо, автор писал этот знак в конце слов по аналогии с правилами русского языка дореволюционной эпохи.

XVI. Краткий русско-калмыцкий словарь П. Смирнова и Анонимный словарь языка калмыцкого оцифрованы Н. М. Мулаевой и Н. Ч. Очировой [15; 17], которым автор выражает свою признательность за возможность использования оцифрованных, но еще не опубликованных словарей.

XVII. Данное слово является ярким образцом диалектной особенности торгутского говора калмыцкого языка. На это указывает наличие гласного *ө* вместо *у* в позиции перед губно-губными *м* и *в* в переднерядных словах: *хөв* – *хүв* ‘доля, судьба, участь, счастье; часть’; *хөмх* – *хүмх* ‘собирать’, *өмсх* – *үмсх* ‘одевать, обувать’ [10, с. 5–6].

XVIII. В этом контексте можно использовать слово *баав*, передающее в большей степени значение ‘бабушка’ текста-оригинала. В КРС [9, с. 71] зафиксировано данное лексическое значение, хотя пример, демонстрирующий употребление лексемы, не указывает, что ее можно использовать как вокатив.

XIX. В калмыцком языке существует аффикс *-и* (а также *-аи*, *-эи*, а также *-уи*, *-үи*), который может передать значение диминутативности. Например, *Гилэи*, *Бемби*, *Нимэи*, *Эрдэи*, *Булэи*, *Делэи* [14, с. 82–83]. Этот словообразовательный аффикс имеет ограничения в сочетаемости, видимо, семантического характера (присоединяется к основам собственных слов).

Аффикс *-хи* также может передавать диминутативное значение, образуя новое прилагательное со значением уменьшительности-ласкательности: *сээхи* ‘хорошенький’, *нархи* ‘тоненький’ и др. По мнению авторов [3, с. 138], «это наиболее продуктивное средство образования уменьшительно-ласкательных качественных прилагательных». Параллели можно провести с письменным монгольским языком, в котором данный аффикс также является продуктивным [22, с. 134].

XX. В данном случае словоформа понимается как «слово (лексема) в некоторой грамматической форме (в частном случае – в единственно имеющейся у слова форме), напр.: “сад”, “садами”, “белый”, “белую”, “пишет”, “вчера»» [7].

XXI. Вспомним, к слову может присоединяться несколько частиц, которые обладают самой разной семантикой.

XXII. Перевод приводится по Калмыцко-русскому словарю под редакцией Б. Д. Муниева [9].

XXIII. В данном случае слово частицы намеренно поставлено в кавычки, поскольку, по нашему мнению, статус этой группы слов, которые по традиции в калмыцком языке относятся к данной части речи, не совсем ясен в калмыцком языкознании и, шире, в монголистике. Некоторые из них по своей функции больше напоминают артикли, выражая категорию определенности и неопределенности. Другие больше похожи на аффиксы сказуемости, или предикативности. Как известно, в часть речи частицы всегда отправляли те слова, статус которых не совсем ясен (ср.: «Общепринятым является признание у частиц размытой семантики, нечеткости их разделения с др. частями речи, от которых они происходят, модификативность общего их списка» [16, с. 579]).

XXIV. Перевод дается основной, хотя он зависит от контекста употребления каждого отдельного слова.

Литература

1. Андреева Е. Г., Касевич В. Б. Грамматика и лексика (на материале англо-русского корпуса параллельных текстов) // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. – М.: Индрик, 2005. – С. 297–307.
2. Анонимный словарь языка калмыцкого. – 101 с.
3. Грамматика калмыцкого языка: фонетика и морфология. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. – 336 с.
4. Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов в исследовании лексики // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / отв. ред. В. А. Плунгян. – СПб.: Нестор-История, 2009. – С. 383–400.
5. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (II) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 48–57.
6. Добровольский Д. О., Левотина И. Б., Шаров С. А. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. – М.: Индрик, 2005. – С. 263–296.
7. Зализняк А. А. Словоформа // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 470.
8. Захаров В. П., Богданова С. Ю. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 161 с.
9. Калмыcko-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. – М.: Русский язык, 1977. – 768 с.
10. Кичиков А. Ш. Дербетский говор: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.; Элиста, 1963. – 26 с.
11. Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2012. – № 3. – С. 138–150.
12. Куканова В. В., Очирова Н. Ч. Общее или индивидуальное, норма или узус в Национальном корпусе калмыцкого языка: к постановке проблемы // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: мат-лы XII регион. конф. (Уфа, 27–28 ноября 2012 г.). – Уфа: УНЦ, 2012. – С. 90–94.
13. Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч. Метаразметка в Национальном корпусе калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 67–72.
14. Монраев М. У. Калмыцкие личные имена: семантика. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. – 222 с.
15. Мулаева Н. М. Русско-калмыцкий словарь Пармена Смирнова как источник изучения лексики калмыцкого языка // Участие калмыков в укреплении Российской государственности: мат-лы Регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию Российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). – Элиста: КИГИ РАН, 2012. – С. 187–191.
16. Николаева Т. М. Частицы // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 579–580.
17. Очирова Н. Ч. «Ранние» словари калмыцкого языка и современные информационные технологии // Участие калмыков в укреплении российской государственности: мат-лы Регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию Российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). – Элиста: КИГИ РАН, 2012. – С. 183–186.
18. Позднеев А. Калмыcko-русский словарь. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1911. – 306 с.
19. Радионов А. В. Функционирование вокативов в семейном дискурсе (на примере ойратского и английского языков) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2011. – № 2. – С. 122–127.

20. Смирнов П. Краткий русско-калмыцкий словарь. – Казань: типография ун-та, 1857. – 124 с.

21. Соснина Е. П. Параллельные корпуса в обучении языку и переводу. Режим доступа: http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/literature/articles/corpus_education_translation/ (дата обращения: 12.09.2012).

22. Poppe N. Grammar of Written Mongolian. 5th unrevised printing. – Göttingen: Hubert & Co., 2006. – 198 p.

23. Ramstedt G. J. Kalmückisches wörterbuch. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. – 560 p.

УДК 811.512.3 +811.512.1

В. И. Рассадин

О СКОТОВОДЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена животноводческой лексике калмыцкого языка. Рассматриваются названия традиционных видов скота, которых разводили предки калмыков, еще находясь в Центральной Азии до перекочевки за Волгу.

Ключевые слова: калмыцкий язык, животноводческая лексика, виды скота, предки калмыков.

V. I. Rassadin

ON THE CATTLE-BREEDING VOCABULARY IN THE KALMYK LANGUAGE

The article examines the vocabulary of cattle-breeding in the Kalmyk language. The article considers the names of the traditional five species of cattle, bred by the ancestors of the Kalmyks in Central Asia before their migration to the Volga region.

Key words: Kalmyk language, cattle-breeding vocabulary, species of cattle, Kalmyk ancestors.

Как известно, калмыки, издавна обитающие на территории Евразии, традиционно считаются классическими кочевыми скотоводами, разводящими пять основных видов скота – верблюдов, лошадей, коров, овец и коз. В калмыцком языке с этими животными связан целый комплекс скотоводческой лексики, отражающий половозрастные

названия скота и его масти, и слова, иазывающие формы и приемы содержания и выпаса скота, характеристику пастбищ, хозяйственное использование скота и т. п.

Опираясь на тезис А. Роиа-Таша [4, с. 37] о том, что монгольские языки многие животноводческие термины заимствовали из протобулгарского языка, мы попытались провести исследование

РАССАДИН Валентин Иванович – доктор филологических наук, профессор, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Калмыцкий государственный университет». E-mail: rassadin17@mail.ru.